

Булат Лукбанов

Семь чайных роз...

***

Ровесник мой, маленький Гамлет,
прозревший в пронзительной мгле,
шагает худыми ногами,
идет по неровной Земле.
Встречает слепого идальго
среди голых, как пламя, камней,
идет в бесконечность... и дальше,
и сходит со сцены ко мне.
Случайная встреча,
мгновенье,
судьбы своевольной каприз.
Цепи разомкнувшейся звенья.
Гаврош мой,
мой маленький принц.

***

Жемчужина,
моя жемчужина
в полуоправе гор седых,
негромко
голосом простуженным
читаю для тебя я стих.
Строка его неотгупюжена,
как гор твоих полукольцо,
она с зазубриной,
жемчужина,
как сломанное деревцо.
Где слабо – правь,
сотри все ложное,
и невысокою травой
пусть песня,
у арыка сложенна,
побудет чуточку с тобой.

Страшная сказка

Как-то однажды у тихой реки
выросло дерево счастья...
Громко ругаясь, пришли рыбаки,
срубили дерево счастья.

Так и осталось лежать у реки
звонкое дерево счастья.
Тихо вздыхая, пришли дураки
и распилили на медяки
темное золото счастья.
На кольца, подковы, запчасти.

В полночь однажды вдоль черной реки,
где корни и залежи счастья,
молча и мерно прошли чужаки,
не стало на свете счастья.

И каждое утро у древней реки,
махорку расходуя часто,
сходятся хмурые старики
поговорить о счастье.

***

Я теряю друзей с равнодушной печалью
и беззлобной улыбкой провожаю любовь,
наливаю в стакан себе крепкого чаю
и читаю на память Басё и Ли Бо.

Имена остаются.
Одни имена.
Горсть имен дорогих мою память тревожит.
Время словно привстало на стремяна,
и никак того злого коня не стреножить.

***

Моя душа,
как скрипка Паганини,
с одной струной,
струна эта – любовь,
в ней праздник роз
и привкус злой польши,
и смех,
и боль.
Играю свою роль
исправно
и заученно до скуки,
и улыбаюсь,
дураков терня,
теряю я друзей,
но нахожу в разлуке
я их опять.
Не нахожу тебя.

***

Семь роз индийских, семь святых искусств,
букет чудесный разума и чувств.
Я в этом мире раб неискушенный
у муз великой робости учусь.

Семь чайных роз, букет благоуханий,
что перед ними цезари и ханы,
походы и приказы позабыты,
но жив старик Хайям с его стихами.

***

Я пью вино с Рыскуловым Рамисом
и с нами ночь киргизская пьяна,
лежит Тянь-Шань невидимым карнизом,
в вине, как муха, плавает луна.
И с высоты лихого опьяненья
мы падаем вдвоем на черный стог,
сыреют звезды,
и с великой ленью
на горизонте заалел восток.

Потом автобус по дороге пыльной
нас долго тряс железною стихией.
Из наших душ,
как стружки,
как опилки,
соленой искрой сыпались стихи.

Прощай, Рамис.

АВС

А

Да, я беспечный человек,
квартирою не обеспечен,
и пью вино, – больная печень, –
да, я бесчестный человек.

В

К тому же, грубый человек,
не прячу от людей улыбку
я в траурный футляр,
как скрипку,
да, очень глупый человек.

С

Совсем никчёмный человек,
до пенсии еще не скоро,
фантастику читаю с горя,
да, просто темный человек.

Шурале

Луна и солнце —
как два маятника,
серебряный и золотой.
Луна и солнце —
как два памятника
векам,
ушедшим на покой.

Здесь уютно под дубом,
здесь не наши следы,
только ветер подует...

Никто не следит,
отдыхай на здоровье,
не скоро гроза.
Под мохнатую бровью
слепые глаза.

Люблю цветы

Люблю цветы.
Несорванные маки,
на склонах гор они так хороши,
тюльпаны с чуть влажной мантией мага
и гладиолус белый,
тень души
разбившегося голубя.
Живые
напоминают мне они всегда —
есть женщина,
глаза её большие
меня спасут в день страшного суда.

***

Ей бы серьги,
браслеты,
мониста,
а она —
роговые очки.

Ей бы косы
из золота чистого
да хрустальные башмачки.

Здравствуй,
девушка новых столетий.
госпожа канцелярских столов!
Ей мониста бы,
кольца,
браслеты,
кастаньеты,
шелка,
амулеты,
гребешок в самоцветы волос.

Ей бы в смерче
жестокое танца,
так,
чтоб вдруг
запылало бы платье,
погубить
молодого испанца
и самой не уйти от расплаты.

Ей бы пленницей
злого абрека
стать
и плакать
всю ночь до утра...

Здравствуй,
Золушка нового века!
Хватит спать,
на работу пора.

***

Мне холодно –
ладонь твоя прохладна.
Мне горько от твоих солёных губ.
Мне грустно.
Ты всегда уходишь.
Ладно,

когда-нибудь я тоже убегу.
 Найду себе убежище в убогой,
 забытой богом и людьми стране.
 Затихает боль...
 О, мне не надо много!
 Не вспоминай случайно обо мне.

***

Если меня не будет,
 если меня не станет,
 утром тебя разбудит
 крик улетающей стаи.

Если меня не станет,
 если меня не будет,
 переверни, не листая,
 книгу осенних буден.

Если меня не будет,
 если меня не станет,
 небо ударит в бубен
 и засверкает сталью...

Мы превращаемся в травы,
 мы возвращаемся в иней,
 есть у поэтов право
 в молнии жить и в ливне.

Булат

Моё имя гремело в варварском Риме,
 я войною звучал на всех языках.
 Я устал.
 Я тоскую по вечному миру,
 я другие мозоли хочу на руках.

На лице моём греются страшные шрамы,
 в воспалённых зрачках –
 обожжённые звезды,
 осквернял я могилы и древние храмы,
 ветер смерти врагов раздувал мои ноздри.

Страх я видел в глазах покорённых народов,
 моё сердце рвала озверевшая радость.
 Я от крови устал.
 Я устал от походов.
 Пусть покой и забвенье мне будут наградой.

Лирик южной столицы

Булат Хатифович Лукбанов – поэт Божьей милостью, родился в городе Алма-Ате 10 апреля 1945 года. Детство его прошло в центре провинциальной столицы, где еще полно было арыков, омывающих корни пирамидальных тополей, мощных дубов и жизнелюбивых карагачей. На улице Карла Маркса лежали гигантские валуны – остатки селя 1921 года, а на Малой Алматинке можно было купаться до посинения и загорать докрасна.

Ночью волшебная луна всходила из-за гор, освещая тонущий в зелени город, в котором “снятся тигры с голубыми глазами” – впечатление одного маститого российского поэта.

В 1962 году Булат окончил среднюю школу № 40 и активно эпикурействовал, параллельно поглощая литературное наследие минувших веков. С 1964 по 1967 год служил в рядах Советской Армии в городе Саратове, в строительных войсках штабным писарем. Идеальные условия для творческой личности – ограничение свободы, вагон времени и полная трезвость. Там он и выдал свои первые серьезные стихи, хотя попытки начались еще в подростковом возрасте. Там же он влился в ряды КПСС.

После армии поступил на журналистский факультет Казахского госуниверситета. А в 1969 году женился на однокурснице Татьяне Николаевне Воротыновой, живущей ныне в городе Актау вместе с их сыном Тимуром. Она до сих пор активная и известная в своем городе журналистка.

Булат писал на русском языке, так как не знал литературного казахского. Мать умерла, когда ему было 9 лет – воспитывала бабушка по отцовской линии, коммунистка и интернационалистка. Отец – участник войны, сотрудник МГБ-КГБ – суровый непреклонный человек с трудным характером.

За свою жизнь Булат переменял десятки мест работы: от директора информационного центра в городе Шевченко до сторожа автостоянки. Его стихи печатались в газетах: “Ленинская смена”, “Вечерняя Алма-Ата”, а также в журналах “Простор”, “Техника – молодежи”. В начале восьмидесятых его стихи появляются в сборниках и альманахах. В 1986 году выходит первая книжка – “Дерево счастья”, а в 1989 – “Дожди и грозы”, вторая и последняя.

Булат обладал неистощимым чувством тонкого юмора и был заражен оптимизмом, которого хватило бы на сто человек. Он отличался независимостью суждений и аскетической неприхотливостью в быту. При незаурядном интеллекте, он имел солидный багаж знаний по многим отраслям науки. Как собеседник не имел себе равных. Недаром его пазывали гением общения.

По мировоззрению Булат был агностик, то есть атеист, и всерьез отстаивал коммунистические идеи. Любил китайский фольклор, фантастику и “жареные” исторические факты.

При небольшом росте и тучном телосложении (его вес иногда достигал 100 кг) был подвижен и, что называется, “легок на ногу”,

за что и получил от друзей кличку Колобок, или проще Булка. Он почти никогда не бывал агрессивным. Рассказывают, что однажды его остановили хулиганы. Их разозлило, что при нем не оказалось ни денег, ни сигарет, ни приличной для отъема одежды. И они хотели его побить. Говорят, он им ответил: "Мальчики, разве вы не знаете, что поэтов бить нельзя – они совесть и честь эпохи". Его отпустили, посчитав сумасшедшим.

В поэзии Булат Лукбанов относил себя к последователям Вап Вэя, Ли Бо и Омара Хайяма.

Года через три после смерти отца, в 1997 году, квартиру у него отняли какие-то аферисты. К тому же он потерял все свои документы. Какое-то время жил у женщины по имени Айгуль. Но, в конце концов, она его выставила, и он сделался стопроцентным бомжем. Помочь ему было невозможно. Он всегда отшучивался, но, припертый к стенке, заявлял, что образ его жизни – это форма суицида.

Летом 2000 года он даже сумел попасть в рабство на плантации табака. Но и оттуда его выгнали по причине полной неспособности к физическому труду, предварительно покалечив. Причем в этом эпизоде его потряс тот факт, что била его женщина лопатой по голове. "Хорошо, что успел подставить руку", – жаловался он.

Булат Лукбанов умер, а вернее, погиб 20 октября 2000 года. "Моя душа, как скрипка Паганини, с одной струной, струна эта любовь..." – писал он. Его стихи не нуждаются в расшифровке и комментариях. Они – музыка его души. Их можно принять или отвергнуть. Критиковать и разбирать по косточкам бессмысленно.

А в целом он прожил, если и не так уж счастливо, зато свободно – всегда делая то, что хотел, даря людям роскошь общения и свои стихи. И под броней скептицизма оставался восторженным романтиком. В этом году ему было бы 59, и хочется процитировать его пророческие строки:

Если меня не станет,
если меня не будет,
переверни, не листая,
книгу осенних буден.

.....
Мы превращаемся в травы,
мы возвращаемся в иней,
есть у поэтов право
в молнии жить и в ливне.

